

Слушай пчёл

Заметки с пасеки

Алексей Ворм

Алексей Ворм

Слушая пчёл — заметки с пасеки

«Автор»

2026

Ворм А.

Слушая пчёл — заметки с пасеки / А. Ворм — «Автор», 2026

Девятнадцатого мая я купил два пчелопакета. Это была спонтанная покупка. Я не знал, как пересаживать пчёл, как искать матку и почему один улей гудит, а другой молчит. Но я знал одно: пчёлы говорят, если уметь слушать. Эта книга — честные заметки с пасеки. Без прикрас, без сухой теории. О пластиковых бутылках, свищевых маточниках, весёлых и невесёлых ульях. И о том, как тишина и терпение оказались важнее любых учебников. Для тех, кто боится открыть улей, но очень хочет научиться.

© Ворм А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Введение	5
Глава 1. Биология пчелиной семьи	7
Глава 2. Первый контакт	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Алексей Ворм, Alex Worm

Слушая пчёл — заметки с пасеки

Введение

Я не собирался становиться пчеловодом. Это случилось случайно, если вообще можно назвать случайностью то, что однажды весной ты просыпаешься с мыслью о том, что тебе срочно нужны свои пчёлы. Девятнадцатого мая я купил два пчелопакета. В тот день я ещё не знал, что пчеловодство — это не про мёд. Это про умение вовремя замолчать и послушать, про способность признавать свои ошибки и про бесконечное уважение к существам, которые живут по своим законам, а не по нашим графикам и планам. Я пишу эту книгу не для того, чтобы пересказать классиков. Я открыл её для того, чтобы честно рассказать о том, как человек, вооружённый интернетом, старым учебником Ковалёва и большим желанием, проходил свой первый сезон на пасеке. Это не инструкция. Это дневник.

Все учебники, которые я читал, начинали с важности пчеловодства для сельского хозяйства. Они писали о гектарах, о прибавке урожая, о тоннах мёда и процентах рентабельности. Всё это правда, и я нисколько не умаляю значения отрасли, но когда ты стоишь перед ульем и слышишь тревожный гул, тебе глубоко безразличны средние показатели по стране. Ты думаешь только об одном: жива ли твоя семья? Есть ли у неё матка? Сделал ли ты что-то не так? Этот страх и это волнение — вот настоящая школа пчеловодства. Она начинается не с теории, а с первого раза, когда ты открываешь улей и видишь там не мёд, а пустые соты и вялых пчёл. В этот момент ты понимаешь, что учебники нужны, но они не заменят тебе опыта, который ты приобретаешь только через собственные руки и собственные шишки.

Моя история началась с двух ульев. Один из них я называл весёлым. Там пчёлы летали активно, гудели ровно, и я мог подолгу стоять и слушать этот звук, который успокаивал и вселял уверенность. Второй улей был невесёлым. Я заметил это не сразу. Просто однажды приехал и увидел, что одни пчёлы работают, а другие сидят на прилётной доске и будто ждут чего-то. Я тогда подумал, что, может быть, им просто не нравится погода. Но погода была одинаковая для обоих ульев. Я откладывал осмотр, потому что боялся. Боялся найти там то, что уже начал подозревать. И когда я наконец открыл улей, я увидел пустоту. Ни яиц, ни молодых личинок, ни надежды. Семья потеряла матку. Это был мой первый серьёзный урок: пчёлы не говорят словами, но они говорят поведением. Надо только научиться слушать.

В тот момент я мог бы поехать и купить новую матку. Это самый простой путь, но он мне казался неправильным. Я хотел научиться делать всё сам. Я взял рамку со свежими яйцами из весёлого улья, поставил её в проблемную семью и стал ждать. Три дня я не открывал улей, хотя руки чесались проверить каждые два часа. На четвёртый день я увидел свищевые маточники. Пчёлы сделали свою работу. Они поняли, что остались без королевы, взяли самую молодую личинку и вырастили из неё новую жизнь. Это был момент настоящего счастья, которое трудно объяснить словами. Я не просто спас семью — я увидел, как природа исправляет наши ошибки, если мы не мешаем ей.

Я пишу эту книгу для таких же, как я. Для тех, кто боится открыть улей, кто не знает, куда смотреть, кто путает свищевой маточник с обычным сотом и кто набирает номер бывалого пчеловода с дрожащими руками. Я не обещаю вам лёгкого пути. Пчеловодство — это дисциплина, которая не прощает спешки. Но я обещаю, что каждый мой шаг, каждая ошибка и каждая находка будут описаны здесь честно, без прикрас. Я буду писать так, как я это пережил. Потому что только так можно научить тому, чему научился сам.

Впереди у вас будут страницы о пластиковых бутылках, о коконах с матками, о том, как напоить пчёл, когда нет лётных, и о том, почему старая матка не всегда хороша, а новая — не всегда плоха. Здесь не будет сухой статистики, потому что вы держите в руках не отчёт для министерства, а историю одного сезона. Историю о том, как два улья изменили мою жизнь и как я учился быть пчеловодом, не переставая быть человеком. Если после этой книги вы откроете свой первый улей и не испугаетесь, значит, всё было написано не зря.

Глава 1. Биология пчелиной семьи

Когда я впервые открыл учебник Ковалёва, я прочитал фразу, которая показалась мне очевидной, но только через месяц практики я понял её настоящую глубину: пчела вне семьи жить не может. Она погибает, даже если у неё есть мёд и тепло. Ей нужен свой улей, свои сёстры, свой запах и свой ритм. Именно семья, а не отдельная особь, является той биологической единицей, с которой работает пчеловод. И моя ошибка в том, что в первый месяц я смотрел на пчёл как на множество отдельных существ, а не как на единый организм. Когда я понял, что улей — это один большой живой организм с общим дыханием, общим решением и общей судьбой, мне стало легче. Я перестал искать виноватых и начал наблюдать за тем, как этот организм живёт, болеет и выздоравливает.

Состав пчелиной семьи похож на хорошо отлаженную систему, где у каждого есть своё место. В сильной семье, которую я видел в своём левом улье той весной, насчитывается до шестидесяти-семидесяти тысяч особей. И все они знают, что делать. В этой семье есть одна плодная матка, несколько тысяч трутней, которые появляются только летом, и десятки тысяч рабочих пчёл. Трёх этих ролей достаточно, чтобы улей жил, развивался, собирал мёд и переживал зиму.

Матка — это сердце семьи, хотя я бы сказал, что она скорее её яичник. Это единственная полноценная самка в улье, способная откладывать оплодотворённые яйца. По внешнему виду матку легко отличить от рабочей пчелы: она значительно длиннее и крупнее. Если вес обычной рабочей пчелы составляет около одной десятой грамма, то матка в период яйцекладки весит в два с половиной раза больше — до четверти грамма. Её брюшко удлинено, потому что в нём находятся хорошо развитые яичники. Когда я впервые увидел матку во время осмотра, я не сразу её узнал. Я искал что-то королевское, с короной, а она просто спокойно переползала по сотам, и пчёлы расступались перед ней. Она не командовала, не отдавала приказов, не жужжала громче других. Она просто была. И этого было достаточно, чтобы семья существовала.

Матка не выполняет никакой работы в улье. Она не строит соты, не кормит личинок, не приносит нектар, не охраняет вход. Её единственная задача — откладывать яйца. И она справляется с ней блестяще: в разгар сезона, когда есть взятка и тепло, хорошая матка способна отложить до двух тысяч яиц в сутки. Представьте себе: за сутки она откладывает массу яиц, равную её собственному весу. За весь весенне-летний период это может составлять сто, сто пятьдесят тысяч яиц. Для сравнения: если бы человек рожал с такой же интенсивностью, он бы производил на свет по несколько десятков детей в день. Именно поэтому матка так важна, и именно поэтому, когда я обнаружил, что во втором улье нет засева, я понял, что это катастрофа. Без матки семья обречена.

Но у матки есть и свои недостатки. Она живёт до пяти лет, но пик её продуктивности приходится на первые два года. После этого она начинает снижать кладку, и опытные пчеловоды заменяют её молодой. Я этого ещё не делал, но уже понимаю, что рано или поздно мне придётся научиться и этому. Самое удивительное в поведении маток — это их нетерпимость друг к другу. Если в улье появляются две матки, они вступают в схватку, и побеждает сильнейшая. Так природа обеспечивает, чтобы в семье был только один лидер. Я запомнил это, когда размышлял о том, как подсаживать новую матку в безматочную семью. Если сделать это неправильно, её просто убьют.

Рабочие пчёлы — это тоже самки, но с недоразвитыми половыми органами. Они не могут спариваться, и в нормальной семье они не откладывают яйца. Зато они делают всё остальное. Именно рабочие пчёлы строят соты, кормят расплод, чистят улей, охраняют его, вентилируют, приносят нектар и пыльцу, перерабатывают их в мёд и пергу, приносят воду, замазывают щели прополисом, поддерживают температуру и влажность. Это они опыляют цветы, это они создают

ту самую продукцию, ради которой человек заводит пасеку. Когда я слушал свой левый улей и слышал его ровный, глубокий гул, я знал, что это работают тысячи маленьких тружениц.

Всех рабочих пчёл в семье можно разделить на две группы. Молодые пчёлы, которым меньше двух-трёх недель, работают внутри улья. Они кормят личинок, чистят ячейки, принимают нектар от сборщиц. Они ещё не знают мира за пределами летка и вылетают только для того, чтобы очистить кишечник и запомнить, как выглядит их дом. Когда я формировал отводок для новой семьи, я стряхивал в новый улей именно молодых пчёл. Я знал, что они не улетят, потому что они ещё не знают, где их старый дом. Лётные пчёлы, те, что старше, улетели бы обратно, и я остался бы с пустым ящиком. Это знание спасло меня от разочарования. Вторая группа — полевые пчёлы, сборщицы. Они вылетают за нектаром и пыльцой, они приносят в улей всё, что нужно семье. Живут весенние и летние пчёлы недолго — около полутора месяцев. А те, что выводятся осенью, живут до весны, почти год. Именно они переживают зиму и начинают новый сезон.

Трутни — это самцы. Они крупнее рабочих пчёл, весят почти вдвое больше, но не делают ровным счётом ничего. Они не собирают нектар, не строят соты, не кормят расплод. Их единственное предназначение — спаривание с маткой. В каждой семье за сезон выводится несколько тысяч трутней, хотя для оплодотворения матки достаточно всего шести-восьми. Зачем такая щедрость? Природа не терпит случайностей. Обилие трутней в воздухе гарантирует, что молодая матка встретит своего партнёра быстро и без промедления. И это соперничество между трутнями, вероятно, служит естественным отбором: спаривается самый сильный, самый быстрый, самый здоровый. Живут трутни около двух месяцев, а осенью, когда наступают холода и взяток заканчивается, пчёлы изгоняют их из улья. Они не нужны больше, они только едят мёд, и семья избавляется от лишних ртов. Жестоко, но эффективно. Я запомнил это, когда осенью увидел у своего улья мёртвых трутней на земле. Пчёлы просто выволокли их за порог.

Тело пчелы устроено с исключительной точностью. Оно делится на три части: голову, грудь и брюшко. Голова — это твёрдая коробка, где сосредоточены органы чувств. По бокам расположены огромные фасеточные глаза, состоящие из тысяч отдельных маленьких глазков. Они позволяют пчеле видеть мир мозаично, но очень чётко, особенно движущиеся объекты. Кроме того, на темени есть ещё три простых глаза, которые помогают ориентироваться по свету. От головы отходят два членистых усика — главные органы обоняния и осязания. У рабочей пчелы и матки на усике одиннадцать члеников, у трутня — двенадцать. Я не считал их, но теперь, когда знаю, буду смотреть внимательнее.

Грудь — это моторный отсек. Здесь расположены три пары ног и две пары крыльев. Ноги пчелы — это не просто конечности. На них есть специальные приспособления для чистки тела, для сбора и переноски пыльцы. Это маленькие корзиночки и щёточки, которые позволяют пчеле приносить в улей драгоценную обножку. Когда я увидел пчёл, возвращающихся с поля, я сначала не понял, что за жёлтые комочки висят у них на лапках. А потом прочитал и узнал: это пыльца, упакованная в аккуратные корзиночки. Крылья — тонкие и прозрачные — работают с частотой до двухсот взмахов в секунду. Именно они создают тот самый гул, по которому я научился различать состояние улья.

Брюшко — это самое мягкое и подвижное место. В нём расположены органы пищеварения, восковые железы, жало у рабочих пчёл и яичники у матки. Именно здесь созревает мёд, именно здесь выделяется воск, из которого пчёлы строят свои удивительные соты, и именно здесь происходит главное чудо пчеловодства — превращение нектара в мёд, который мы потом едим и которым лечимся.

В моей жизни биология пчелиной семьи стала не просто теорией, а практической необходимостью. Когда я понял, что в одном из ульев нет засева, я вспомнил всё, что прочитал о матке и её роли. Я взял рамку с молодыми личинками из здоровой семьи и перенёс в про-

блемный улей, потому что знал: если матка погибла, пчёлы начнут выращивать новую из самой свежей личинки. И они это сделали. Я увидел свищевые маточники, которые висели на нижней кромке сота, и в тот момент я понял, что биология — это не скучная наука. Это ключ, который открывает двери в мир, где ты уже не просто кормилец пчёл, а их помощник, их союзник и их друг. Именно это знание сделало меня пчеловодом, а не просто обладателем двух ящиков с насекомыми.

Глава 2. Первый контакт

Два пчелопакета я купил девятнадцатого мая. Это была спонтанная покупка, если честно. Я долго читал форумы, смотрел видео, представлял себе, как всё будет красиво и правильно, но когда пакеты оказались у меня в руках, я понял, что теория и практика — это две разные вселенные. Пчёлы гудели внутри сетчатых ящиков, и этот звук был одновременно завораживающим и пугающим. Я не знал, с чего начать, но знал главное: их нужно как можно быстрее пересадить в ульи.

Пересадка пчелопакета — это операция, которая требует не столько опыта, сколько спокойствия. Я заранее подготовил два улья. Один стоял слева, второй справа, оба на одинаковых подставках, с одинаковой ориентацией летков на юго-восток. Я прочитал где-то, что пчёлы не любят резких запахов, поэтому не курил, не пользовался одеколоном и даже не брился тем утром, чтобы не раздражать их парфюмом. Сейчас это кажется смешным, но тогда я был предельно серьёзен.

Первый пакет я открыл вечером, когда солнце уже не пекло, а пчёлы успокоились после дневного лёта. Я снял верхнюю крышку, увидел рамки с пчёлами, которые висели плотными бородами, и на мгновение растерялся. Как их вытаскивать? Они же все упадут. Но пчёлы вели себя удивительно спокойно. Я аккуратно, стараясь не делать резких движений, переложил рамки из транспортного ящика в улей. Потом стряхнул оставшихся пчёл с внутренних стенок пакета прямо на рамки. Накрыв холстиком, поставил крышку и отошёл. Сердце колотилось, но первые десять минут ничего страшного не происходило. Пчёлы не нападали, не роились, не улетали. Они просто привыкали к новому дому.

Второй пакет я пересадил точно так же. Всё прошло гладко, но я знал, что самое сложное впереди. Первые дни после пересадки — это время наблюдения, а не вмешательства. Я прочитал об этом в старом учебнике Ковалёва, и это правило стало для меня золотым. Не лезь, не дёргай, не проверяй каждые два часа. Дай пчёлам освоиться, дай матке начать сеять, дай молодняку отстроить вошину.

Прошла неделя. Я приезжал на пасеку каждый день, но только для того, чтобы постоять в стороне и послушать. В первый же день я заметил, что ульи ведут себя по-разному. Левый улей гудел ровно, спокойно, из летка вылетали пчёлы с разноцветной обножкой на ножках. Они возвращались гружёные, деловитые, и я слышал этот характерный гул здоровой семьи — такой глубокий, насыщенный, похожий на работу большого двигателя. Правый улей был другим. Пчёлы вылетали редко, неохотно, многие сидели на прилётной доске и просто шевелили усиками. Лётная активность была в два, а то и в три раза ниже. Я начал волноваться.

Тогда я вспомнил главное правило, которое вывел для себя после первой недели: не ищи матку, ищи её работу. Пчёлы не любят, когда их тревожат, а новичок, который начинает вынимать каждую рамку в поисках королевы, делает только хуже. Я решил подождать до шестнадцатого июня. К тому моменту оба улья простояли почти месяц, и разница стала очевидной. Левый улей продолжал радовать, а правый всё больше напоминал депрессивное сообщество, которое потеряло смысл жизни.

Шестнадцатого июня я наконец решился на осмотр. Сначала я открыл весёлый улей. Достал центральную рамку и увидел то, что хотел: свежий засев. Крошечные белые личинки, похожие на запятые, лежали в ячейках аккуратными рядами. Яйца, только что отложенные, блестели на доньшках, как мелкие рисинки. Рамка дышала теплом и жизнью. Я отложил её в переносной ящик, потому что уже знал: возможно, она мне понадобится для второго улья. Потом я проверил остальные рамки и убедился, что всё в порядке. Матка есть, она работает, семья растёт.

Второй улей я открывал с тяжёлым сердцем. Я снял крышку, отодвинул холстик и заглянул. Пчёлы сидели вяло, не пытались защищаться, не гудели тревожно. Я вынул первую рамку и увидел только печатный расплод — старые, тёмные соты, где уже вывелись пчёлы. Свежих яиц не было. Вторую рамку — то же самое. Третью — пустая вошина, которую пчёлы даже не начали отстраивать. В четвёртой рамке я заметил несколько мёртвых личинок, которые пчёлы уже начали выбрасывать из ячеек. Диагноз был очевиден: матка потеряна. Семья осталась без королевы, и теперь она медленно угасала. Я хорошо запомнил этот момент, потому что именно тогда я понял: пчеловодство — это не про мёд, это про умение вовремя заметить беду и исправить её.

У меня не было запасной матки, и покупать новую я не хотел. Во-первых, это дорого, во-вторых, я хотел научиться выводить своих маток. Я помнил старый метод, описанный ещё в советских учебниках, и решил его применить. Из здорового улья я взял ту самую рамку со свежими яйцами и молодыми личинками. Аккуратно стряхнул с неё всех пчёл, чтобы в проблемный улей не попали чужие летные особи, и поставил эту рамку в центр гнезда второго улья. Потом закрыл улей и сказал себе: три дня не открывать.

Три дня тянулись бесконечно. Я приезжал на пасеку, но даже не подходил близко к ульям, чтобы не соблазниться проверить. На четвёртый день я открыл проблемный улей и увидел их. Свищевые маточники. Они висели на нижней кромке сота, где я поставил рамку, и выглядели как восковые напёрстки — маленькие, светлые, вытянутые вниз. Пчёлы сделали свою работу. Они поняли, что остались без матки, взяли самую свежую личинку и начали выращивать из неё новую королеву. Я насчитал около десяти маточников и понял, что часть из них придётся удалить, чтобы семья не разделилась и не улетела роем. Но это уже было дело техники. Главное я сделал: я дал пчёлам шанс спасти себя самостоятельно.

Данная глава моей книги заканчивается этим открытием. Я понял, что пчёлы — не механизм, который можно починить одной деталью. Это живая система, которая умеет адаптироваться, если ей не мешать. В тот день я научился главному: слушать улей, наблюдать за лётом и верить в то, что природа умнее наших учебников. Но учебники, конечно, тоже нужны. Особенно старые. Особенно те, что написаны людьми, которые держали в руках не одну сотню рамок.

Впереди было лето, и я знал, что мои эксперименты только начинаются. Пластиковые бутылки, отводки, новая матка из кокона — всё это ждало меня впереди. Но первая победа была за мной. Я спас семью. И это был лучший урок, который я мог получить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.